

М. М. ГУРЕВИЧ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ВАСИЛИЯ МАЙКОВА

Опубликованные в «*Полном собрании всех сочинений*» А. П. Сумарокова статьи «*О казни*» и «*Господину Пассеку: вот наш бывший разговор*», как установлено В. П. Семенниковым на основании данных Архива АН СССР, были изданы отдельными листками во время последнего пребывания писателя в Петербурге в 1774 году.¹ До недавнего времени сами эти издания были неизвестны, хотя факт существования второго из них не подвергался сомнению, так как оно упоминается у В. А. Сопикова и в объявлении о продаже произведений Сумарокова, напечатанном в «*Санкт-петербургских ведомостях*» вскоре после смерти писателя.²

Недавно в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР при разборе вновь поступивших нешифрованных изданий XVIII века был обнаружен очень интересный конволют, состоящий из трех статей, напечатанных в 4-ю долю листа. Первые две — «*О казни*» и «*Господину Пассеку: вот наш бывший разговор*». Каждая из этих статей, напечатанных без титульного листа, имеет отдельную пагинацию, а в конце текста находятся инициалы А. С. — обычная сокращенная подпись А. П. Сумарокова.

Особый интерес представляет третья статья конволюта, не имеющая заглавия и пагинации и начинающаяся словами «*Государь мой*»; заканчивается она басней «*Лисица и бобер*», под которой стоят инициалы N. N. Предшествующая басне фраза построена так, что не возникает сомнения в принадлежности этого произведения автору статьи: «*В дополнение сего вам прилагаю здесь следующую басенку...*». Если бы автор статьи и автор басни были разными лицами, первый, естественно, должен был бы прибавить: «*...басенку такого-то*» или «*...басенку неизвестного сочинителя*». Но он обходит молчанием вопрос об ее авторе, и это свидетельствует о том, что адресату, — а статья, по-видимому, представляет такое же письмо, как и сумароковская «*Господину Пассеку: вот наш бывший разговор*», — должно было быть ясно, кому принадлежат стихи.

¹ В. П. Семенников. *Материалы для истории русской литературы и словаря русских писателей эпохи Екатерины II*. СПб., 1914, стр. 115—118.

² Сопиков. *Опыт российской библиографии*. СПб., 1905, № 9419; «*Прибавление*» к № 6 «*С.-Петербургских ведомостей*» от 19 января 1778 г., стр. 53.

Поэтому можно смело считать, что автор статьи и басни — одно и то же лицо. Автор басни известен: это — В. И. Майков, в «Нравоучительных баснях» которого, изданных в 1767 году, она находится в несколько иной, правда, редакции.³ Была она — опять-таки в слегка стилистически измененном виде — напечатана и в журнале «Собрание новостей...» за сентябрь 1775 г. (стр. 122—123).

Судя по неисправленным опечаткам в статье «Государь мой», можно предположить, что это — корректурный экземпляр, который его владелец переплел вместе с двумя статьями А. П. Сумарокова в один конволют, снабдив его общим названием, вытесненным на корешке: «3 пиесе» (i). Такое объединение, разумеется, не случайно, так как статья «Государь мой» является ответом на статью «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор».

Ввиду большого интереса этой неизвестной статьи В. И. Майкова ее текст целесообразно ввести в научный оборот. Для уяснения смысла статьи «Государь мой» напомним, что вызвавшее ее появление письмо Пассеку представляет одно из важнейших философских произведений А. П. Сумарокова. Здесь, исходя из того, что «нет ни малейшего довода, что естество устроило нас двуногими» и что «общество и следовательно нашу силу усталила нам бедность», Сумароков писал: «Ежели бы не было общежития, по необходимой ево <человека, — М. Г.> бедности и безопасности, не имел бы он изощрения ума своего и был бы такою же скотиною: и еще многих скотов многократно глупее». Против этих, по существу материалистических взглядов Сумарокова и выступил В. И. Майков.

Вот его статья:

Государь мой!

Присланный вами ко мне напечатанный разговор г. Сумарокова с г. Пассеком я прочитал, и не входя в дальнейшее то раздробление, также не касаясь сего столь славного писателя ни слога, ни мыслей, ибо всякий человек так мыслит, как его разум действует, признаюсь вам, что сравнение, а паче еще и унижение человека пред прочими тварями, населяющими землю, мне не весьма кажется справедливым. И думаю, что господина сочинителя тем не раздражу, когда изъясню вам мои мысли; в рассуждении общей связи и взаимности всех тварей, как и господин Попе во своем опыте о человеке выводит его не владыкою, но слугою всех животных, против сего я не спорю, ибо и человек стоко же обязан для собственныя своей пользы служить им, и в рассуждении сего он с ними равен. Но чтоб сию словесную тварь до того унижить, что будто человек глупея многих животных и включать его в род четвероногих, на сие я не согласен. Ибо естли и случались такие из людей, которые каким-нибудь случаем с самого младенчества выросли между зверями и изучились от них ходить на четвереньках, сие еще не доказа-

³ В. И. Майков Нравоучительные басни, ч. II, М., 1767, стр. 12—13; ч. II, изд. 2-е, М., 1788, стр. 47—48; В. И. Майков. Сочинения, СПб., 1809, стр. 194—195; В. И. Майков, Сочинения и переводы, под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1867, стр. 199—200.

тельство, что человек сотворен быть четвероногим, когда прочие люди да и самые дикие ходят на двух ногах. Пусть человек и дуб, как говорит господин сочинитель, состоят не из единыя живности, но из многих и ни бык ни дуб не могли от естества произведены быть вдруг, каковы они потом быть стали, я о сем не спорю, но, полагаясь на испытателей естества, еще то и подтверждаю, а чтобы причислити человека к которому ни есть из пяти родов животных, то есть ко четвероногим, ко крылатым, ко плавающим, ко ползающим или пресмыкающимся и ко вкорененным⁴ никакого средства не вижу, да как его к сим причислить, ибо он ото все сих отменен, хотя телом их и беднее, но разумом несравненно богаче.

Правда, что творец, производя его во свет, не облек его ни шерстью ни перьями и ни чешуею для защищения от суровости воздуха, также не вооружил его ни рогами, ни ногтями, ни зубами подобными плотоядным животным, но вместо того одарил его разумом, дав ему действовать по удобно расположенным органам, снабдил его словесностью, устроив язык его удобным произносить слово, и чрез то сообщать свои мысли, на руках его соделал персты, хотя и не вооруженные острыми ногтями, но способные по изобретению разума производить всякие предприятия в действие, к чему других животных копытами и ногтями окочивающиеся (!) ноги не способны.

Самая его бедность тела, но богатство разума принуждена и умела составить общество, и ежели бы львы и другие сильнейшие человека твари имели такие же общества, бесспорно бы они, быв превосходнее силами, нас бы себе покорили и гордости бы нашей посмеялись; но для чего же они их не составляют, не от того ли, что не имеют разума и словесности, чем человек пред ними много преимуществует.

Правда, есть из птиц, которые, быв изучены, некоторые слова и целые речи говорят, как то попугаи, сороки, скворцы и им подобные, но сие у них происходит без всякого смысла, так что, например, попугаю или другой какой выученной говорить птице: здравствуй, она сие слово и тогда говорит, когда ей захотелось бы пить или чево инова, и так она, что говорит, сама того не разумеет.

Общество также хотя и есть у некоторых животных, как-то у пчел, муравьев и у некоторого рода обезьян; положим, что пчела и муравей, не имея равных сил человеку, не могут свои общества и довести до такого могущества и совершенства, как

⁴ «Вскорененными» Сумароков называет растения. В подлиннике: «ко вковкоренным».

люди, но обезьяны, хотя телесные силы и способности почти равные со человеком имеют, и казалось бы для чево им такова же общества не составить, не завести в нем наук и художеств, но недостаток разума в том им препятствует, хотя бы они и нужду в том имели. Американцы как ни были дики, однако же у них свои художества были; потом, когда пришли к им европейцы, то и науки им стали не несведомы, а обезьяна или какой другой зверь сколько между людьми ни обращается, но ничего перенять не может, и разума у него чрез то нимало не пребывает, которым бы он мог, как и человек, пользоваться, словом сказать, естли б человек не имел на руках таких перстов, во рту языка, способнаго ко произношению слова, а паче всего управляющего ими разума, то бы совершенно был он беднее всех животных, но природа, как всем общая мать, разделила свои дарования равно всем тварям: одних силою, других легкостью, иных проворством, многих разными телесными способностями наградила, но человек в разсуждении недостатка телесных сил употребляет разные вымыслы для защиты от воздуха и обороны своея от вооруженных природою тварей. И как бы он сие произвел без отличного пред зверьми дарованнаго ему разума, следственно он ни к которому из пяти родов творению и не принадлежит, но он есть род особый и превосходнейшей прочих.

Ластовица, хотя и строит себе гнездо, по подобию каменщика складывая и лепя оное из частей, так как и каменщик из кирпича или камня свои полаты, и может быть, что и человек от нея ремеслу сему изучился, но сколько он ее в том превзошел; для чево же и ластовица, видя его здание своего превосходнее, не заимствует и не перенимает, видно, что она сего не чувствует и не понимает, не имея к тому способнаго разума.

Видим также довольно искусства и от паука в соплетаемой паутине, но не видим в сей работе его разума, а только одну побуждающую к тому его силу, и так хотя и есть в некоторых животных малое что ни есть похожее на человеческое, но не на разум и не можно ни из чего заключить, чтоб зверь или птица были равны, не только превосходнее разумом человека.

Что бык, дуб и другие животные, не из единыя живности, но из многих состоят, о сем я спорить не намерен, как уже и выше сказал, но чтобы человек не был превосходнее всех животных, о том сомневаться также не можно; не над всеми ли животными он господствует, да еще и не телесною силою то господство и власть себе приобрел, но единым искусством, а искусство ни от чего инова, как от превосходнаго разума пред

прочими тварями происходит. Представим себе, ежели бы какое совершеннейшее человека творение, не бывавшее никогда на земном шаре, могло на него прийти и быстротечным своим зрением вдруг половину его увидеть и, узря на нем многочисленные грады, обременяющие купно и украшающие землю, спросило бы: кто их созидал, а узнав, что человек, конечно бы почел его за обладателя оных или, по крайней мере, первенствующую пред прочими тварями.

Наконец, положим, что человек и подлинно тварь беднейшая изо всех на свете и что он в том заблуждает, что он есть всему господин и повелитель. Приятное заблуждение! из которого себя и выводить не надобно, и не лутче ли нам, пускай рабствующим, воображать себя господствующими, нежели как самую вещь господствующих воображать себя рабами и худшими протчих тварей на свете обитающих.

Вот, государь мой, мое мнение, с которым, по крайней мере, можно жить приятнее и веселее. В дополнение же сего вам прилагаю здесь следующую басенку:

ЛИСИЦА И БОБЕР

Лисица не когда к Юпитеру ходила,
И возвращаясь сошлася со Бобром,
Куда, спросил Бобер, ты кумушка бродила;
Ходила я туда отколе мечут Гром,
И множество с собой я весточек имею,
Лисица в гордости рассказывала так:
То знает, да не всяк
Что ныне я сошед с Олимпа разумею:

Теперь

Доволен будет Каждый зверь,
Там вышло повеленье
И так угодно небесам,
А то определенье
Скрепил Юпитер сам.
Волк с зайцем будут в поле
Конь, Бык, Баран, Свинья и Пес
Останутся в неволе,
Медведям, Тиграм, Львам, дремучий отдан Лес;
В степях от ныне жить Слонам дано великим,
Стремнины, Горы, Рвы; Козам, Баранам диким,
Болота от даны в жилище Кабанам,
Бобрам в Реках со выдрами вселятся,

И так во свеге все под властно будет нам:

А Человеку чем осталось забавляться?

Лису бобер спросил:

Сию Юпитер тварь всево тово лишил

И не дал нашева проворства Ей ни сил,

Единое ему в утеху он оставил,

Чтоб больше нашева своим разсудком правил,

И только кум

Ему оставлен ум.

Какая ж для него оставлена безделка!

Но Бобр лисе в ответ:

Ах! кумушка мой свет,

Худая будет нам со человеком сделка

И кончится конечно не добром.

Не осердись, что я слова промолвлю грубы:

Он будет лисьи шубы

Опушивать Бобром

* *
*

Я мню, что..... и сам ты скажешь то же,

Что силы разума, телесных сил дороже.

N. N.

Предлагаемые материалы Майкова, как и сумароковское письмо «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор», — еще одно свидетельство о философских спорах русских писателей середины XVIII века, к тому же почти вовсе не обращавшее на себя внимание наших исследователей.

В этой связи заслуживает внимания фигура Пассека. Может быть, это Петр Богданович Пассек (1738—1804) — один из активных участников переворота 28 июня 1762 года, либо один из его братьев — Василий, сведения о котором весьма скудны,⁵ или третий брат — Федор, о котором известен только факт его существования.⁶

Как указывалось выше, текст басни «Лисица и бобер» в майковских «Нравоучительных баснях» 1767 года имеет иную редакцию, чем в статье «Государь мой». Сопоставление обоих текстов с несомненностью свидетельствует, что текст 1774 года представляет авторскую доработку более ранней редакции.

В виде примера приведем два отрывка:

⁵ Русский биографический словарь, том «Павел-Петр», СПб., 1902, стр. 352, 359.

⁶ П. Долгоруков. Русская родословная книга, ч. I, СПб., 1854, стр. 174, № 234.

Издание 1767 года

Теперь

Не всякой по земли скитаться
будет зверь,

Там вышло повеленье
И так угодно небесам;

А то определенье
Скрепил Юпитер сам.

Волк с зайцем будут в поле,
Баран, конь, бык и пес

Останутся в неволе;
Медведям, тиграм, львам дре-
мучей отдан лес,

В степях отныне жить сло-
нам дано великим

Стремнины, горы, рвы козам,
баранам диким;

Болота отданы в дом вечно ка-
банам,

Бобрам в реках со выдрами
вселиться,

А прочее во власть оставлено
все нам.

И еще:

Читатели и вы, мню, скажете
здесь то же,

Что качество души телесных
сил дороже.

Издание 1774 года

Теперь

Доволен будет Каждый зверь,

Там вышло повеленье,
И так угодно небесам,

А то определенье
Скрепил Юпитер сам.

Волк с зайцем будут в поле
Конь, Бык, Баран, Свинья и
Пес

Останутся в неволе,
Медведям, Тиграм, Львам дре-
мучий отдан Лес;

В степях отныне жить Слонам
дано великим,

Стремнины, Горы, Рвы; Козам,
Баранам диким,

Болота отданы в жилище Ка-
банам,

Бобрам в Реках со выдрами
вселятся,

И так во свете все подвластно
будет нам.

Я мню что... и сам ты
скажешь то же

Что силы разума, телесных
сил дороже.

В предпоследней строке басни пропущено одно слово, очевидно, фамилия адресата. Поскольку два последних стиха написаны александрийским стихом, пропущенное слово должно состоять из трех слогов с ударением на первом или третьем слоге. Не должно ли прочитать: «Новиков»? Если это так, возникает вопрос, не была ли статья «Государь мой» напечатана Новиковым в ранний период его издательской деятельности.